

ЛУНА О'БРАЙЕН

МЕЖМИРЪЕ

ЗОВ АМУЛЕТА

Луна О'Брайен

Межмирье: Зов амулета

«Издательские решения»

О'Брайен Л.

Межмирье: Зов амулета / Л. О'Брайен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696807-3

Когда мир вокруг рушится, когда исчезает опора, когда боль утраты пробивает дыру в душе, как никогда важно сохранять надежду и твёрдую решимость справиться несмотря ни на что. Лилит выигрывает одну личную битву и проигрывает в другой, готовясь вступить в настоящую войну между светом и тьмой. Её роль в этом мире и за завесой — быть маяком во мраке, направлять свет и быть им. Ей предначертано преодолеть страх и боль, вернуть свою суть и познать цену спасения.

ISBN 978-5-00-696807-3

© О'Брайен Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Межмирье: Зов амулета

Луна О'Брайен

*Весь мир – театр, мы все – актёры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашею игрой!*

Пьер де Ронсар

Редактор Анна Абрамова

Корректор Татьяна Бубарева

Дизайнер обложки Мария Фролова

© Луна О'Брайен, 2026

© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6807-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Моя жизнь превратилась в бесконечную череду переездов, когда мне исполнилось семь. До этого момента мы жили в старом дедушкином поместье – единственном месте, которое я по-настоящему считала домом. Но после его смерти всё изменилось. За последующие годы я посетила бесчисленное количество школ, новые друзья превращались в знакомых, а затем и вовсе исчезали. Родители каждый день пропадали на работе и редко брали меня с собой. Поэтому мне приходилось самой находить развлечения.

Лет до семи мой мир ограничивался безопасным периметром двора и правилами, которые я послушно соблюдала. Но в какой-то момент привычное спокойствие вдруг стало казаться тесной одеждой, из которой я выросла. Внутри шевельнулось странное, колючее нетерпение – внезапная готовность бросить вызов всем «нельзя» и «опасно». Я почувствовала, что мне нужно что-то по-настоящему увлекательное. У нас в доме была огромная библиотека, куда мне строго-настрого запрещали входить. Родители твердили, что я должна вырасти, прежде чем получу доступ к вещам в той комнате. Однако в тот день запрет перестал меня пугать. Я решила, что взросления ждать слишком долго, и смело шагнула за порог. Едва я толкнула тяжёлую дубовую дверь, по коже пробежал электрический холодок – я почувствовала нечто невероятное, будто само время в этой комнате замерло. Освещённая дрожащим пламенем свечей, библиотека казалась мрачной и бесконечной. Высокие потолки тонули в тени, а огромные окна отражали лишь черноту ночи.

Повсюду, от пола до самого верха, громоздились стеллажи с книгами и свитками, которые выглядели так, словно их не касались сотни лет. Стоило мне сделать шаг, как в нос ударил совершенно невозможный здесь запах. Вместо ожидаемой пыли и старой бумаги комната благоухала праздником – приторной сладостью сахарной ваты, жареным попкорном и пронзительной свежестью морского бриза.

Этот диссонанс между суровой готикой комнаты и беззаботным духом карнавала кружил голову. Казалось, за корешками книг прячутся чьи-то приглушенные смешки. В тот миг я поняла: это не просто склад старых вещей.

* * *

В каком бы городе мы ни оказывались, после школы я всегда бежала в местную библиотеку. Среди высоких стеллажей я пряталась от реальности. Мне нравились истории о потерянных цивилизациях и героях, которые, как и я, вечно были в пути, но в конце концов находили свой дом. Когда я перелистывала пахнущие ванилью и старой кожей страницы, моё одиночество переставало быть тяжёлым – оно становилось моим секретным оружием.

Города сменяли друг друга, как кадры в проекторе. Неизменными оставались лишь взгляды людей: в одних читалась колючая жалость («бедная девочка, опять новенькая»), в других – холодное презрение, будто я была случайным сорняком, занесённым ветром в их ухоженный сад. Я научилась выстраивать вокруг себя невидимую стену, через которую эти взгляды не могли пробиться. Но Килфинейн всё изменил. В этом крошечном ирландском городке, где жителей едва набиралось восемьсот человек, воздух казался густым от легенд. Здесь я впервые почувствовала, что природа – это не просто фон, а живое существо. Город утопает в таких сочных, яростных зелёных массивах, что даже солнечные лучи, просеиваясь сквозь кроны вековых дубов, окрашивают всё вокруг в изумрудный цвет. Кажется, будто ты идёшь не по улице, а внутри огромного драгоценного камня. В день приезда я замерла на пороге нашего нового дома, поражённая: после серых бетонных коробок мегаполисов это место казалось ожившей декорацией к моим любимым книгам.

Наш новый дом находился недалеко от центра. Уютное двухэтажное здание с панорамными окнами, через которые солнце заливало комнаты мягким светом. Внутри всё дышало свежестью и порядком: просторная гостиная с камином, где по вечерам уютно потрескивали дрова, современная кухня, две спальни на втором этаже – у каждой своя ванная, всё «как у людей».

Но среди этой безупречной чистоты и света мне было тесно. Я до боли в груди скучала по той библиотеке из моего детства – мрачной, пахнувшей морским бризом и сахарной ватой. В новом доме не было потайных дверей, тяжёлых деревянных стеллажей и чувства, что за углом прячется тайна. Здесь всё было слишком понятным и предсказуемым. Мне отчаянно не хватало моего старого убежища, моего личного окна в другой мир.

В это утро я проснулась непривычно рано, подойдя к зеркалу, я долго всматривалась в своё отражение: обычная восемнадцатилетняя девушка с каштановыми волосами и глазами цвета выцветшего ирландского неба. Всё было как всегда, кроме одного – в моём взгляде больше не было огонька, который горел когда-то в детстве. Тот огонёк зажегся каждый раз, когда я открывала тяжёлую дверь старой библиотеки или находила в книгах ответы на вопросы, которые боялась задать вслух. Он жил во мне, пока я верила, что за очередным переездом меня ждёт не просто новая школа, а настоящее открытие. Но годы бесконечных дорог, фальшивых улыбок одноклассников и вечного чувства, что я здесь проездом, выстудили это пламя. Одиночество стало привычкой, а хроническое непонимание со стороны окружающих – броней. Учителя видели во мне способную, но замкнутую ученицу, сверстники – странную девчонку, которая вечно витает в облаках, а я... я просто перестала пытаться объяснить им, что ищу в этом мире нечто большее, чем просто хорошую оценку.

Приведя себя в порядок, я спустилась вниз. Родители уже пили на кухне только что сваренный кофе, аромат которого разлился по всему дому.

– Доброе утро, – отозвались они хором, едва я переступила порог.

– Утро добрым не бывает, – пробурчала я себе под нос, направляясь к чайнику.

Мама Нора ободряюще улыбнулась. Она была из тех редких людей, кто физически не выносил чужой грусти; её работа в школе, а позже и помощь отцу в бизнесе всегда строились на неиссякаемом оптимизме. Отец же, Джордж, был человеком консервативным, своего рода якорем в нашей кочевой жизни. Он любил порядок и правила, хотя иногда, в редкие моменты, всё-таки позволял мне убедить его в правоте моих «безумных» идей. Фирма, доставшаяся отцу в наследство от дедушки, была огромным механизмом с филиалами по всей Европе. Именно это и обрекло нас на кочевую жизнь сразу после похорон: отец лично инспектировал каждый офис, пытаясь удержать на плаву угасающую империю. Пока дедушка был жив, всё казалось иначе. Он был моим главным союзником, человеком, который верил в магию больше, чем в графики доходности. Мы мечтали, что, когда я подрасту, мы вместе превратим его старую библиотеку в настоящий музей древностей или центр исследований для таких же искателей приключений, как мы. С его смертью все мои мечты рухнули. Отец с головой ушёл в цифры, пытаясь доказать, что достоин наследства, а мама – в поддержку его амбиций. Мы перестали быть семьёй и стали «акционерами» общей проблемы. Мои мечты о совместных открытиях были похоронены вместе с дедушкой, а библиотека... она осталась лишь пыльным воспоминанием в одном из тех домов, которые мы покинули. Килфинеин должен был стать нашей финальной точкой, местом, где мы, наконец, «осядем», но я уже не верила в обещания. Вспоминая каждый счастливый день, проведённый с семьёй, а особенно с дедушкой, я вдруг пришла в себя и взглянула на часы. Половина девятого. Сегодня мой первый день в новой старшей школе, где мне снова придётся играть роль «загадочной новенькой», которой на самом деле просто нечего сказать этому миру.

Само здание школы было обыкновенным, но его окружало столько зелени, сколько мне не доводилось видеть ни в одном учебном заведении. В административном корпусе было светло и уютно. В дальнем углу за круглой стойкой сидела женщина лет пятидесяти. Её половинчатые очки то и дело сползали на кончик носа, и она поправляла их коротким заученным жестом.

– Здравствуйте, я Лилит Келли.

– Ну конечно, – она лучезарно улыбнулась, и от этой внезапной теплоты мне стало не по себе. – Не каждый день к нам переводятся такие милые старшеклассницы. Уверена, ты быстро здесь освоишься и приживёшься.

Меня передёрнуло. Это прозвучало как несбыточное пророчество – я столько раз слышала нечто подобное в других городах, и это всегда оказывалось ложью. К тому же в её голосе проскользнуло излишнее любопытство, будто она знала о нашей семье больше, чем положено секретарю. Заметив, как я напряглась, женщина осеклась и молча выдала мне расписание вместе с картой школы. Поблагодарив её, я поспешила на улицу. Дунул пронизывающий ветер, но холода я не почувствовала, сейчас меня терзал страх, что здесь я снова буду одна.

«Всё будет хорошо», – повторяла я себе на протяжении всего пути. Но, когда увидела нужную дверь, из головы вылетело всё, о чём думала. Постояв какое-то время возле кабинета, я быстрыми шагами вошла внутрь, подошла к учителю и представилась.

Учителя звали мистер Хог, он преподавал литературу. Пока он заполнял какие-то бумаги, из каждого уголка класса доносился шёпот, и всеми клеточками своего тела я чувствовала заинтересованные взгляды. Я села в конце класса одна.

Первый урок прошёл весьма спокойно, изучали новеллу Оскара Уайльда «Кентервильское привидение». Это произведение я знала почти наизусть – в детстве я перечитывала его несколько раз, прячась в углу той самой старой библиотеки.

Пока учитель монотонно бубнил о сюжете, я перелистывала страницы, останавливаясь на знакомых абзацах. Мне всегда было искренне жаль старого призрака. Его попытки напугать новых жильцов казались мне не злобными, а отчаянными – он просто хотел, чтобы его заметили и поняли. «Как это похоже на меня», – горько усмехнулась я про себя. Только я не пытаюсь никого пугать, я просто существую в своём собственном замке из молчания.

Больше всего меня цепляла мысль о том, что для покоя духу нужна была не месть, а сострадание маленькой девочки. Я думала о том, что в нашем мире всё перевернуто: люди боятся теней, но совершенно не замечают живых, которые годами бродят по школьным коридорам, чувствуя себя прозрачными.

Прозвенел звонок, и, выйдя из аудитории, я направилась в сторону шкафчиков. Меня толкнули, и я выронила все мои вещи. Быстро собрав их с пола, я ушла в кафе. Сев за самый дальний столик, начала изучать своё расписание. Вдруг рядом со мной кто-то сел. Подняв голову, я увидела девушку небольшого роста с золотисто-рыжими, немного кудрявыми волосами. На её лице играла улыбка. Протянув мне маленькую беленькую ручку, она заговорила, и её голосок звучал так звонко, что напоминал маленький колокольчик.

– Меня зовут Рошин Оллфорд. Готова поспорить на свой обед, что ты та самая Лилит, о которой с утра шепчется вся канцелярия!

– Лилит Келли, – ответила я, опешив от её напора.

Она так энергично потрясла мою руку, что я едва не выронила расписание. Впервые в жизни кто-то не просто кивнул мне, а буквально ворвался в моё личное пространство. Мы проговорили всё обеденное время, и слова лились из меня сами собой. Я рассказала ей о бесконечной череде серых школ и о том, как однажды в Италии я перепутала классы и целый час просидела на уроке физики, боясь признаться, что я новенькая.

Рошин смеялась так искренне, что моё недоверие таяло. Она выпрашивала всё: от того, какой чай я люблю, до моих мыслей о «Кентервильском привидении».

– Слушай, а как твои родители? – спросила я, когда наступила пауза. – Большая семья – это, наверное, весело? У меня-то только вечные отчёты отца и мамина вежливость...

Рошин вдруг замерла. Её пальцы, только что весело теребившие край салфетки, застыли. Улыбка не исчезла, но стала какой-то натянутой, искусственной.

– О, у меня три брата, – быстро проговорила она, отводя взгляд к окну. – Один здесь, в старшем классе, он... настоящий кошмар, сама увидишь. Потом познакомлю! А родители... Слушай, ты видела, какой невероятный мох на школьной ограде? Говорят, ему сто лет!

Она засуетилась, и эта резкая смена темы была похожа на захлопнувшуюся дверь. Странно, но на душе всё равно было тепло: впервые за годы меня не просто «заметили», а захотели узнать. Учебный день подходил к концу. Рошин предложила меня подвезти, и мы договорились, что она утром заедет за мной. Счастье, которое я испытала в этот день, оставалось со мной ещё долго.

* * *

Первый урок математики у миссис Пим прошёл на удивление гладко. Миссис Пим напоминала сердитого гоблина, но, несмотря на внешность, оказалась неожиданно мягкой. Когда я запуталась в формуле, она не стала язвить, а лишь поправила очки и тихо подсказала решение.

На перемене я поспешила в кафе. Рошин уже сидела за столиком, а рядом с ней я заметила парня, которого раньше не видела. Его ярко-рыжие волосы, казалось, светились в полумраке зала, точно так же, как у Рошин, но взгляд был другим – более глубоким и внимательным. Заметив меня, они тут же понизили голос, обрывая какой-то горячий спор.

– Это мой брат... – начала Рошин, но он не дал ей закончить.

– И меня зовут Айден, – он улыбнулся, и в его голубых глазах промелькнула искра искреннего любопытства. – Лилит, верно? Рошин всё утро только о тебе и твердит. Я уж начал думать, ты какая-то принцесса, которую она выкрала из канцелярии.

Я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

– Скорее, просто заблудившаяся новенькая, – ответила я, присаживаясь напротив.

Мы заказали по сэндвичу и горячему шоколаду. Айден, в отличие от сестры, не засыпал меня вопросами, а больше рассказывал сам – о местных легендах, о том, как опасно забредать в туман на окраине Килфинейна, и о том, что в этой школе математика – единственный предмет, где «гоблины» на самом деле на стороне учеников. С ним было легко, но я кожей чувствовала, что за этой лёгкостью скрывается что-то ещё.

Пролетели две недели. В субботу после долгого похода по магазинам мы с Рошин забрели в старый паб Kellehers. Воздух здесь был пропитан запахом жареного солода и дерева.

– Давай возьмём по порции горячих сэндвичей с ветчиной и сыром и пачку чипсов Tauto, но обязательно со вкусом сыра и лука, это традиционное у нас, – предложила Рошин. – И горячий чай с молоком. После такого холода на улице – самое то.

Пока мы ждали еду, Рошин вдруг подалась вперёд, понизив голос:

– Послушай, а приезжай к нам в следующие выходные? Познакомишься со всеми. Айден очень за, он даже вызвался приготовить свой фирменный ужин, чтобы тебя не напугать моими кулинарными талантами. Правда, мне ещё нужно уладить это с остальными братьями... у них сложный характер.

Она на мгновение замолчала, и в её глазах снова промелькнула та странная тень, которую я заметила в день знакомства.

– Будет здорово, – ответила я.

Я застала родителей в гостиной. Они сидели на диване, увлечённые каким-то сериалом, и в свете работающего телевизора казались обычными, уставшими людьми.

– Как день, Лил? – мягко спросила мама, не оборачиваясь.

У меня внутри всё так и горело от желания рассказать о друзьях, о запахе прекрасного горячего чёрного чая в пабе и о том, что я больше не чувствую себя прозрачной. Но я промолчала. Было страшно, что, если я превращу свои чувства в слова, эта хрупкая магия разрушится под грузом их «взрослой» логики.

– Как обычно, – бросила я и быстро поднялась в свою комнату.

Минувшие месяцы стали для меня настоящей сокровищницей. Рошин и Айден заполнили пустоту, в которой я жила годами. Мы часами бродили по зелёным холмам Килфинейна; Айден учил меня различать цветы и травы, а Рошин – не бояться взглядов местных жителей. С ними я впервые за долгое время забывала, что я «новенькая». Мы делились книгами, мечтами и даже страхами, хотя тему семьи Оллфорды всё ещё обходили стороной.

В одно субботнее утро я проснулась, окутанная странным, почти ослепительным сиянием. Это было не просто солнце – свет отражался от свежеевыпавшего снега, заливая спальню молочной белизной. За окном мягкие снежинки касались земли, словно звёзды, упавшие с небес.

Внутри меня вспыхнуло детское нетерпение. Я в спешке собралась, внизу натянула куртку и выскочила во двор. На крыльце я замерла: мир стал другим. Воздух звенел от чистоты. Я осторожно спустилась по обледеневшим ступеням, балансируя руками, чтобы не упасть, но на последнем шаге всё же поскользнулась. Вместо того чтобы расстроиться, я рассмеялась. Сидя прямо на холодном снегу, я чувствовала себя семилетней девочкой, для которой зима была началом сказки.

Этот снег был точь-в-точь таким же, как в тот день в поместье, когда я впервые решилась войти в библиотеку. Тогда природа сама подтолкнула меня к тайне: завывание вьюги за окнами дедушкиного дома заглушало скрип половиц, а морозные узоры на стёклах казались картой, ведущей в неведомые миры. Именно в такой снежный день мой мир навсегда изменился.

Однако, когда я поднялась и побрела к машине, радость сменилась уколом тоски. Этот снег напомнил мне о временах, когда дедушка был жив, а родители не прятались за экранами телевизоров и графиками. В моё сердце вновь прокралась тревога: неужели всё это тепло – и дружба с Оллфордами, и этот волшебный день – тоже когда-нибудь исчезнет, как та старая библиотека?

На пороге школьного корпуса нас встретил Айден. Его волосы словно замёрзли от геля, и он напоминал ежа. Все наслаждались этим прекрасным полным сказочной красоты утром. Но, увы, к обеду пошёл дождь, и волшебство зимнего утра растаяло, как утренний туман. На улицах образовались большие лужи, и все были очень огорчены.

День оказался на удивление монотонным. После занятий мы с Рошин и Айденом забили в крошечное кафе, где пахло корицей и старым деревом.

Рош весь вечер не сводила с меня глаз, ожидая ответа: приеду ли я к ним на выходные? Я медлила. Мысль о встрече с остальными братьями Оллфорд вызывала у меня дрожь. Рошин уже призналась, что их родители погибли в авиакатастрофе несколько лет назад, и теперь они живут под опекой двух старших братьев. Она говорила о них с каким-то особым трепетом, который я не могла до конца расшифровать. Интуиция – та самая, что проснулась во мне ещё в библиотеке дедушки – шептала: у этой семьи есть секрет. И этот секрет надёжно спрятан за дверями их дома.

Внезапно с улицы раздался автомобильный гудок, Рошин просияла и тут же выскочила навстречу синему Volvo, который плавно притормозил у входа. Сквозь лобовое стекло я разглядела двух молодых людей.

– Кто они? – выдохнула я, чувствуя, как внутри всё напряглось.

– Группа поддержки прибыла, – усмехнулся Айден. – Мои средний и старший. Тот, что за рулём – Бальдр, а рядом...

Я его уже не слышала. Мой взгляд был прикован к старшему из братьев. Он вышел из машины, и мир вокруг словно стал чётче. Тёмно-русые волосы, небрежно зачёсанные назад, и глаза – абсолютно чёрные, бездонные, в которых, казалось, отражалось всё небо Ирландии. Он посмотрел прямо на меня сквозь стекло кафе. В этом холодном, пронзительном взгляде было что-то такое, от чего моё сердце пропустило удар, а по телу разлился странный, пугающий жар. Он не улыбнулся, не кивнул – просто смотрел, будто читал мои мысли, одну за другой. В этот миг все мои сомнения исчезли. Я знала: я поеду к ним. Не ради Рошин, а ради того, чтобы ещё раз встретиться с этим взглядом и понять, какой огонь он во мне разжёт.

Через несколько минут синий Volvo скрылся за поворотом, и Рошин, сияя, вернулась за столик. – Ну всё, – выдохнула она, – Элдер – старший брат – согласился. Ждём тебя в субботу!

Чтобы сбросить напряжение, мы переключились на школьные сплетни. Главной темой была Молли – местная королева школы, чья семья владела половиной недвижимости в округе. Молли обожала напоминать всем о стоимости своих туфель и связях отца, делая это с таким пафосом, что это давно стало смешно. Рошин, вскочив со стула, принялась виртуозно передразнивать её манеру поправлять волосы и томно вздыхать о «скуке в этом захолустье». Мы с Айденом хохотали до слёз. В этот момент я поняла, что сделало вечер особенным: не само высмеивание Молли, а то, как легко и безопасно я себя чувствовала. С ними мне не нужно было притворяться кем-то другим.

Дома, когда я вернулась, царила привычная тишина – родителей всё ещё не было. Но странно: пустота огромного дома больше не давила на меня.

Взглянув в зеркало, я замерла. На меня смотрела всё та же девушка с большими голубыми глазами, но взгляд стал иным. Тот самый огонёк, погасший после смерти дедушки, вновь едва заметно мерцал в глубине зрачков.

Оллфорды сделали для меня за эти месяцы то, на что у моих родителей не хватало времени годами: они заметили меня. Айден, всегда готовый выслушать мои странные теории о книгах; Рошин, делившаяся со мной теплом, которого ей самой не хватало после гибели родителей... Они не просто дружили со мной – они создали вокруг меня пространство, где я была «своей». В этом маленьком ирландском городке я, кажется, наконец-то нашла ту семью, которую не нужно было заслуживать примерным поведением или хорошими оценками. Вдохновлённая воспоминаниями и будущим, я уснула той ночью счастливой и полной надежд.

Глава 2

Дни пролетали быстро, неумолимо приближая Рождество. Улицы Килфинейна утопали в гирляндах, а в школе даже мисс Пим украсила свой стол пуансеттией – рождественским красным цветком. Все вокруг называли этот праздник волшебным, и я, глядя на огни, отчаянно хотела верить в это чудо, но внутри меня росло лишь глухое сопротивление. Для моей семьи Рождество давно превратилось в обязательную, но безжизненную декорацию. Мама могла часами обсуждать меню с кейтерингом для корпоративов, а отец – проверять, достаточно ли дорогие подарки куплены для бизнес-партнёров, но в этом не было тепла. Когда они всё же оказывались дома 25 декабря, их присутствие казалось мне нелепым. Мы сидели в гостиной, словно чужие люди, вынужденные делить один диван, и я знала: завтра они снова исчезнут в своих делах, оставив после себя лишь гору упаковочной бумаги.

– Лилит, ну хватит упрямыться, – Айден поймал мой взгляд в коридоре школы. – Мы приглашаем тебя не просто зайти на чай. Мы хотим, чтобы ты встретила рождественскую ночь с нами.

Его слова ударили в самое больное место. Часть меня умоляла согласиться, но старая привычка ждать любви от родителей ещё теплилась во мне.

– Спасибо, – я отвела глаза, – но Рождество – семейный праздник. Я буду чувствовать себя лишней за вашим столом. К тому же... родители обещали быть дома.

Я солгала сама себе. Я знала, что «быть дома» для них не значит «быть со мной».

Выйдя из школы, я почувствовала, как ледяной ветер пробирается под куртку. Холод пронзал меня до костей, усиливаясь порывами ветра. Однако что-то внутри меня предчувствовало опасность. Как будто невидимая рука прикоснулась к глубине моей души. Это было не просто плохое предчувствие – это была уверенность в том, что покой закончился. Буря, которую я ждала все эти годы, наконец-то настигла меня.

– Айден! Рошин! – я подбежала к их машине, не в силах унять дрожь в руках. – Пожалуйста... отвезите меня домой. Прямо сейчас. Что-то случится. Я чувствую это.

– Лили, не накручивай себя. Это просто предрождественская лихорадка, – Рошин держала открытой крышку капота, глядя на заглохший двигатель Volvo. – Послушай, Айден попробует починить её, но я не знаю, как долго придётся ждать. А до автобуса ещё три часа. Может, если хочешь, я позвоню Элдери, и он подвезёт тебя?

– Нет, я пойду пешком, – отрезала я. Внутри меня всё выло. Предчувствие, которое раньше было лишь тихим шёпотом, теперь превратилось в крик.

– Лилит, не глупи, на улице минус десять! – крикнул Айден, по локоть запустив руки в мотор. – Расслабься, ничего не случилось.

Но я уже не слушала. Я знала: каждая секунда сейчас на счету.

Я пересекала улицы, не чувствуя, как ледяной ветер впивается в лицо. Килфинейна казался мне чужим: праздничные огни в окнах выглядели как насмешки. Странно, но по пути мне не встретилось ни одной птицы, даже вездесущие вороны куда-то исчезли, оставив город в мёртвой тишине.

Я свернула на свою улицу. Синие и красные всполохи полицейских мигалок разрезали сумерки, окрашивая снег в цвет крови. Возле нашего дома было тесно от машин.

Я бежала, не чувствуя ног. Полицейский, преградив мне путь, грубо отмахнулся:

– Уйдите, здесь не на что смотреть. Работаем.

– Это мой дом! – закричала я, и его лицо мгновенно изменилось. Ожесточение сменилось той самой липкой, невыносимой жалостью, которую я ненавидела больше всего на свете.

– Что произошло?! – мой голос сорвался на хрип.

Полицейский не ответил, но в этот момент двери дома распахнулись. Я замерла, не в силах дышать. На носилках мимо меня пронесли родителей – их лица были накрыты кислородными масками, а тела укутаны в идеально белые простыни. Даже издалека я видела, что на ткани нет ни капли крови, ни следов борьбы. Позже я узнала, что их нашёл почтальон: дверь была приоткрыта, и он зашёл, чтобы проверить, всё ли в порядке, и увидел, что они просто лежат в креслах, словно уснули посреди разговора. Сквозь ветер я отчётливо уловила тот самый приторно-сладкий запах карнавала из моей детской библиотеки. Он обволакивал кареты скорой помощи, словно невидимый туман.

* * *

Когда машины сорвались с места, на улице стало пугающе тихо. Родители были ещё живы, но эта тишина вокруг дома кричала о смерти громче любых сирен. Полицейский, который до этого меня отталкивал, быстро записал мои данные.

– Послушай, Лилит, – его голос теперь звучал глухо, – нам нужно будет осмотреть дом, а тебе сейчас лучше быть в больнице. Там решается всё. Езжай, мы свяжемся с тобой позже.

Я стояла на тротуаре, глядя на распахнутую дверь нашего дома, где всё ещё витал тот приторный запах, и не заметила, как знакомый синий Volvo затормозил у обочины. Только когда горячая ладонь Айдена легла мне на плечо, я вздрогнула, возвращаясь в реальность.

– Лилит! О боже, мы увидели скорые... Прости, что не поверили тебе! – Рошин выскочила из машины, её лицо было бледным от ужаса.

Они обняли меня вдвоём, пытаясь передать своё тепло, но я чувствовала себя куском льда. Почему я не разрыдалась у них на плече? Наверное, потому что в моём мире близость всегда была синонимом потери. Я боялась, что если сейчас приму их сострадание, то окончательно признаю: того мира, где я «дочь своих родителей», больше нет. Я просто кивнула, мой голос звучал чужим и ломким:

– Спасибо. Нам нужно в больницу. Сейчас же.

* * *

Прошло ещё несколько бесконечных часов. Мои ноги затекли на жёсткой скамье, а в голове стучали одни и те же вопросы: «Что именно они оперируют? Что именно случилось?».

– Доктор, что с моими родителями? – мой голос сорвался, когда мимо пробежал ассистент врача.

– Мы не понимаем, – бросил он на ходу, даже не глядя на меня.

Когда дверь операционной наконец распахнулась, я вздрогнула. Один из врачей вышел, стягивая маску и устало потирая переносицу. Его лицо было серым от усталости. Я поднялась, встречая его взгляд.

– Что происходит? – усталым голосом спросила я.

– Жизненные показатели падают без видимых причин. Ни травм, ни яда, ни признаков борьбы. Просто необъяснимая, стремительная слабость организма. Мы проводим реанимационные действия, но...

Когда дверь реанимации снова распахнулась, главный врач даже не стал снимать маску. Его взгляд сказал всё раньше слов.

– К сожалению, нам не удалось спасти вашего отца. Организм просто... сдался. Сердце остановилось, будто у него закончился завод. Примите соболезнования.

Я почувствовала, как земля выскользывает из-под ног. Мир обрушился вокруг меня, и я уже не могла сдерживать слёз.

– А мама? – прохрипела я.

– Состояние матери идентичное. Мы поддерживаем её жизнь аппаратами, но показатели продолжают снижаться.

Слова врача пронзили меня, словно ножом в сердце, и боль стала нестерпимой. Хотелось задать ещё много вопросов, но голос отказывался служить. Доктор, который сидел рядом, погладил меня по плечу, его глаза были полны сострадания, но он ничего не сказал. Просто ушёл, оставив меня одну с мрачными мыслями, которые кружились вокруг меня, словно зловещие вороны.

Я осталась сидеть на скамейке, сдавленная эмоциями и пустотой. Медсестра, дежурившая на посту, сжалась надо мной.

– Пойдём, – прошептала она. – Вообще-то в реанимацию нельзя, но... я пушу тебя к ней на пару минут. Тебе нужно быть рядом.

Мы прошли по тихому коридору. Когда дверь палаты открылась, я увидела маму. Она не была похожа на ту энергичную Нору, которую я знала. Она лежала среди мониторов, бледная, почти прозрачная. Я подошла и робко коснулась её руки. Я смотрела на неё, и она казалась мне ангелом. В этот момент я осознала: её борьба только начинается. И хотя в реанимации царила стерильная тишина, я кожей чувствовала, что таинственная связь между нами сейчас – это единственная нить, удерживающая её здесь.

Я села рядом с ней.

– Мама, это я, Лилит. Я рядом, я с тобой, мам.

Она с трудом приоткрыла веки. Её взгляд, обычно ясный и деятельный, теперь блуждал, пока не сфокусировался на мне. Губы дрогнули, и в стерильной тишине палаты раздался надтреснутый шёпот:

– Лилит... девочка моя... прости меня...

Я замерла. В этих словах было столько необъяснимой тяжести, что по моей спине пробежал холодок. За что она просила прощения? За вечную занятость? Или за то, что они не смогли меня защитить от того, что пришло в наш дом?

– Мама, не надо, – я всхлипнула, и горячие слёзы обожгли щёки. – Не проси прощения. Пожалуйста, просто будь со мной.

Она слабо улыбнулась – тенью своей прежней улыбки – и снова закрыла глаза. В ту же секунду ровный ритм монитора сбился. Длинный, пронзительный гудок разрезал тишину, превращая моё сердце в кусок льда. Линия на экране выпрямилась.

– Мама! – закричала я, вскакивая. – Помогите! Кто-нибудь!

В палату ворвались врачи. Меня грубо оттеснили в сторону, чьи-то руки схватили за плечи, пытаясь вывести в коридор. Я видела всё как в замедленной съёмке: вспышки дефибриллятора, резкие команды, мелькание белых халатов. Время остановилось. Я не дышала, пока один из врачей, вытирая пот со лба, не произнёс хрипло:

– Есть пульс. Ритм восстановился. Она вернулась.

Я опустилась прямо на пол, закрыв лицо руками. Слёзы облегчения душили меня. Она вернулась. Но этот короткий момент на грани жизни и смерти оставил во мне странный осадок. Её «прости» звучало не как извинение, а как признание в чём-то пугающем. Наша связь стала ещё крепче, но теперь она была пропитана не только любовью, но и общей, пока ещё не высказанной тайной.

* * *

Сочельник и Рождество я провела в больнице. Праздник, которого я так боялась, прошёл мимо, растворившись в запахе антисептиков и мерном писке приборов. Я часами сжимала руку

мамы, молясь о её выздоровлении, и в какой-то момент мне показалось, что худшее позади. Нора дышала ровнее, и жизнь начала медленно возвращаться в нормальное русло.

В те редкие часы, когда врачи выставляли меня из палаты, я шла на кладбище. Стоя у свежего холма промёрзшей земли, я чувствовала странную пустоту. Я должна была плакать, кричать от несправедливости, но внутри была лишь выжженная пустыня.

– Прости, пап, – шептала я, глядя на его имя, выбитое на временной табличке.

Наша с ним связь всегда была сложной – он был моим якорем, консервативным и строгим, и теперь, когда якорь оборвался, я чувствовала, что меня уносит в открытое море. Самым страшным было возвращаться в больницу и видеть, как мама ищет его взглядом. Как сказать женщине, чей мир только что восстановили по кусочкам, что любовь всей её жизни уже никогда не войдёт в эту палату?

Я сидела у её кровати, читая вслух какую-то книгу, чтобы заполнить тишину. Внезапно по коже пробежал мороз. Это не был сквозняк из окна – холод шёл изнутри комнаты. Свет ламп как будто потускнел, а тени в углах стали гуще и длиннее, словно живые существа.

Воздух стал плотным, наполненным тем самым статическим электричеством, которое я чувствовала перед аварией.

– Мама? – шепнула я, и мой голос предательски дрогнул. – Мама, ты слышишь меня?

Сердце замерло. В этой стерильной, тихой палате что-то изменилось. Я кожей чувствовала: то, что забрало отца, вернулось за своей второй половиной. Невидимая буря, о которой я забыла в короткие дни надежды, снова дышала нам в затылок.

Глава 3

Тот холод в углу палаты не был воображаемым. Мониторы внезапно взбесились, заходясь в истерическом писке. Врачи ворвались, оттесняя меня, но в этот раз чуда не случилось. Мама ушла на рассвете, так и не открыв больше глаза, оставив меня в звенящей пустоте стерильного бокса. Через два часа в коридоре меня перехватил детектив. Его голос звучал сухо, по-деловому, будто он зачитывал прогноз погоды:

– Примите соболезнования, мисс Келли. Эксперты закончили осмотр. Официальное заключение – неисправность старой отопительной системы. Утечка газа без запаха. Смерть вашего отца и состояние матери... всё сходится. Несчастный случай. Дело закрыто.

Я смотрела на его двигающиеся губы, но внутри всё кричало: «Ложь!». Я помнила тот сладкий запах карнавала. Но я промолчала.

Долгое время я боролась с бурей эмоций, которая разразилась внутри меня после утраты матери. Было больно, и внутри, казалось, образовался лёд. Было так тяжело признать, что она больше не со мной, что я откладывала этот долгий и мучительный процесс. Силы иссякли, и больше не хотелось бороться. Мне надо было что-то делать, потому что если наше время уйдёт, то уйдёт навсегда. Оно постоянно идёт вопреки всему. И, похоже, меня всё глубже и глубже затягивало в один из жутких кошмаров. Однако это не сон и не кошмар. Волны страшной боли, прежде лизавшие ноги, поднялись и накрыли с головой. А мне даже не хотелось всплывать.

Но на кладбище, сквозь густой туман и дождь, всё изменилось. Я смотрела на свежую землю, поглотившую обоих моих родителей. Слезы смешивались с каплями дождя. Я наклонилась, положила цветы на промокшую землю и прошептала ветру всё, что не успела сказать им живым. И в этот момент, словно ответ на мой шёпот, в голове вспыхнула идея. Она стала моей опорой.

Я поняла: если полиция закрыла дело, то я – нет. Я вернусь в мой дом. Я найду истинную причину произошедшего, найду настоящую правду.

Пришло время бороться. Не только с пустотой внутри, но и с тем, что её создало. Я развернулась и зашагала к выходу, крепко сжимая в кармане ключи от дома, который теперь принадлежал только мне.

* * *

Возвращение в школу было важным шагом на моём пути к восстановлению. Это место напоминало мне о том, как моя жизнь изменилась. На первых порах было сложно сосредоточиться на учёбе, так как мысли всегда возвращались к ним. Друзья и преподаватели были очень поддерживающими, но каждый раз, когда я видела кого-то с родителями, боль возвращалась, вновь и вновь пронзая моё разбитое сердце.

С течением времени и благодаря поддержке окружающих, я начала находить внутренний баланс. Школьные занятия стали способом отвлечься и сосредоточиться на чём-то, кроме боли утраты. Медленно, но верно я училась заново находить радость в простых вещах, и в такие моменты я осознавала, что жизнь продолжается.

* * *

Я сидела на заднем дворе нашего дома, наслаждаясь тёплыми весенними днями, читая книгу, которую мне подарили на день рождения мои родители. Внезапно, услышав, как к дому подъезжает машина, я вышла во двор.

Рошин.

Я была очень рада её видеть. После смерти моих родителей они с Айденем поддерживали меня, но, к сожалению, с того дня, как всё случилось, мы намного меньше общались и реже были вместе.

– Здравствуй, Лилит, – тихо произнесла она.

Я ничего не ответила, сразу же подбежала и обняла её. Так мы простояли несколько минут со слезами на глазах и затем вошли в дом. Я налила нам чай.

– Лилит, я так скучаю по тебе. Мы уже давно не разговаривали с тобой. Ты постоянно одна, и как будто не замечаешь нас, – говорила она, но её слова казались мне далёкими и неразборчивыми. Вокруг меня стало темно, и слышался лишь шум океана.

Я очнулась уже на диване в гостиной, рядом сидела Рошин с перепуганными красными глазами. Как только она увидела, что я очнулась, сразу же позвала кого-то. В моих ушах ещё стоял шум, и я не могла понять, что это было.

На зов Рошин в комнату вошёл её брат. Я вздохнула и посмотрела на Рошин с упрёком.

Рошин и Айден обменялись обеспокоенными взглядами. Он подошёл ко мне и взял меня за руку.

– Лилит, милая, ты в порядке? Когда Рошин позвонила мне и начала что-то невнятное говорить, я сразу же приехал.

Я посмотрела на неё. Уже была готова злиться, но её милое бледное личико говорило, что ей нужна была помощь в тот момент. Я успокоилась и не стала ничего говорить.

– Да, всё хорошо. Просто потемнело в глазах. Со всеми бывает, – я потёрла голову, наверно, когда упала, ударилась.

– Нет, Лилит, ты не понимаешь, – вдруг Рошин как будто очнулась. – Завтра же после школы ты едешь к нам.

Я не стала с ней спорить.

Глава 4

На следующий день, как и обещала, я отправилась в дом Оллфордов. Айден забрал меня на машине, и мы поехали прочь от города и его суеты. Чем ближе мы подъезжали к их дому, тем сильнее моё сердце сжималось, и я не могла понять, что же происходит со мной. Наконец передо мной открылся великолепный вид: огромный каменный особняк, окружённый кованым забором. Территория поместья казалась бескрайней, утопая в такой изобилии цветов и деревьев, что захватывало дух. На воротах висела средних размеров табличка с надписью «Поместье Оллфордов. Основано в 1695 году».

Мы вошли внутрь, и едва Рошин заметила меня, она с восторженным визгом подлетела и крепко обняла. Мы втроём вошли в гостиную. Она была невероятных размеров. В центре стоял большой кожаный диван, рядом с ним такие же кресла. Напротив дивана горел огонь в камине. На стенах висели картины, по разным углам стояли рыцари. Вся эта атмосфера напоминала замок XIX века. Пока я любовалась этими шедеврами, Рош принесла чай и позвала своих братьев. Когда в гостиную вошли двое, я сразу же заметила сходство. Все были со светлыми волосами и голубыми глазами, только один отличался от всех. Когда я взглянула на него, моё сердце начало биться сильнее, и земля стала уходить из-под ног, я вся дрожала.

Он был серьёзным, статным, и чувствовалось, что он главный в этой семье. Его походка была уверенной, а когда наши взгляды встретились, в его глазах я заметила небольшой огонёк, который сразу потух. Мы с ним были чем-то похожи.

Детский голосок Рошин вывел меня из своих мыслей:

– Элдер, Бальдр, я хочу вас познакомить с моей лучшей подругой Лилит Келли.

Я пыталась что-то сказать, но голос не слушался меня, поэтому я протянула руку и улыбнулась.

* * *

Со временем я начала вливаться в их семью и всё больше и больше проявляла интерес в разговоре. Мы весь вечер что-то обсуждали, смеялись, только Элдер молчал, мог, конечно, иногда что-то сказать, когда сестра спрашивала его, но большую часть времени он молча смотрел на камин. Но в какой-то момент он попросил меня рассказать про мою семью. Я была очень удивлена, так как он ни разу с того момента как вошёл в гостиную не посмотрел на меня и не заговорил с мной, и вдруг он смотрит на меня своими чёрными как бездна глазами и ещё спрашивает что-то.

– Особо нечего рассказывать. Мы постоянно жили в разных городах и странах. Родители вечно пропадали на работе, я была одна. Я их любила и люблю, но моё детство было не очень счастливым и недолгим. Сначала ушёл отец, а после и мама. Случилось это очень внезапно, честно говоря, я до сих пор не могу отойти. И я вновь осталась одна, только я уже знаю, что больше никто не придёт домой после работы, да и в праздники тоже. Знаете, как это тяжело, когда приходишь домой, а там пусто, когда говоришь «я дома», а слышишь своё эхо. Они были не идеальными родителями, и я не любила праздники, потому что они были дома, и мне казалось это всё наигранным – все их эмоции и чувства. Но когда я их окончательно потеряла, я поняла, что они были самыми лучшими. Хоть и не всегда рядом. И только сейчас можно понять, что когда у нас есть тот, кто нас любит и кого мы любим, мы это не ценим, но начинаем ценить только тогда, когда потеряем навсегда.

– Мне очень жаль, – пробормотал Элдер. Его голос был спокойным, но я почувствовала его внутреннюю боль. Мне хотелось подойти и обнять его так крепко, чтобы эта боль из него

ушла. Но я не показала своих эмоций. Мы просто сидели и смотрели друг на друга несколько секунд, но и этого мне хватило, чтобы понять, что я влюбилась в него навечно.

– Ох, уже так поздно, – вздохнула я, – извините меня, но мне пора домой.

– Лилит, а оставайся у нас. В доме всегда найдётся для тебя комната, – сказал Айден.

Этот парень больше не скрывал своего интереса ко мне. В школе он всегда находился поблизости, а сегодня весь вечер не сводил с меня глаз, словно пытаюсь захватить каждый момент, и его рука постоянно оказывалась на моём плече, словно ненавязчиво подчёркивая внимание. Я почувствовала себя смущённо и решила отказаться.

Пока я собиралась, Айден ждал меня. Бальдр и Рош обняли меня при выходе, а Элдер как сидел с неприступным взглядом, так и проводил с таким же. Поблагодарив их за тёплый приём, мы вышли.

Часы показывали полпервого ночи, когда мы подъехали к моему дому. Выйдя из машины, я поблагодарила его и хотела уже уходить, когда Айден взял меня за руку. Он хотел что-то спросить, но так и не решился, пожелав спокойной ночи, он скрылся во тьме. Я осталась одна. Одна в тишине перед домом, где фонарь ярко светил, словно страж ночи и вокруг парили светлячки, словно маленькие огоньки, добавляя в этот момент магию и загадку. Но боль и одиночество опять взяли верх надо мной, окутывая сердце тяжестью. Мне хотелось спрятаться ото всех, закрыть все свои чувства, чтобы найти хоть какой-то покой. Мысли никак не могли собраться воедино. Эмоции переполняли меня. Слезы душили меня, моё сердце разрывалось на части. Я хотела забыть всё это, забыть эту боль, но не могла.

Я медленно поднялась по ступенькам в дом, чувствуя, как каждая эмоция, которую я так долго подавляла, нахлынула волной. Войдя внутрь, я прислонилась к двери, и слёзы полились ручьём по моим щекам. В этот момент я почувствовала, что, может быть, эта борьба за внутренний мир только началась. Но глубоко внутри я знала, что не сдамся и найду просвет во тьме. Шаг за шагом, день за днём я буду бороться, пока не смогу найти покой.

Я решила, что первым шагом на пути к свету станет избавление от всего, что тянет меня назад. Начала с комнаты моих родителей. Я направилась к старому деревянному шкафу в углу комнаты. Вещи, которые когда-то казались важными, теперь утратили свою значимость. Я аккуратно складывала их в коробки. В одном из ящичков я нашла старую фотографию. На ней мы с семьёй проводили время на берегу моря. Воспоминания нахлынули, и я позволила себе впервые за долгое время искренне улыбнуться. Эти моменты напомнили мне, что в жизни были и светлые дни, которые стоит ценить и помнить. Закончив с уборкой в их комнате, я почувствовала облегчение. Комната стала светлее и просторнее, как будто вместе с вещами я избавилась от части груза на душе.

Когда я складывала последние вещи, из глубины шкафа выпала маленькая резная деревянная шкатулка. Я её никогда раньше не видела. На крышке были вырезаны странные символы, которые я не могла расшифровать. Я открыла её и внутри обнаружила маленький блестящий амулет. Что-то в нём притягивало меня. Я надела амулет на шею и в этот момент почувствовала лёгкое покалывание на коже и шум океана. Не придав этому особого значения, я продолжила уборку.

Глава 5

Каждое утро я просыпалась с какой-то странной, почти пугающей лёгкостью. Я знала, что должна чувствовать невыносимую тяжесть, но амулет на моей груди пульсировал ровным теплом, словно забирая всю горечь себе. Без него я бы просто не смогла встать с кровати в этом пустом доме.

Был прохладный утренний день. Я сидела у камина и пила чай, как вдруг заметила, что амулет начал слегка светиться. Внимательно его осмотрев, я заметила, что на нём образовались странные небольшие символы, похожие на те, что были на шкатулке. Вдруг я услышала тихий шёпот, словно кто-то звал меня по имени, и шум океана. Эти звуки исходили от амулета.

Шум океана становился всё громче, словно он звал меня к себе. Я закрыла глаза и позволила себе погрузиться в мысли. Вдруг я увидела сам океан и пожилого человека на берегу, он смотрел на меня и пытался что-то сказать, но я его не слышала. Когда я попыталась подойти ближе, яркий свет озарил меня, и я открыла глаза. Амулет лежал передо мной и светился ярче обычного. Мне казалось, что он хочет что-то показать мне. Не раздумывая долго, я надела куртку и направилась к двери. Я чувствовала, что этот момент изменит мою жизнь навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.